DOI:

УЧРЕЖДЕНИЕ НАЛЬЧИКСКОГО ГОРСКОГО СЛОВЕСНОГО СУДА И ЕГО МЕСТО В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Жерештиев

Статья посвящена истории учреждения Нальчикского горского словесного суда и особенностям его функционирования в контексте судебной системы Терской области второй половины XIX – начала XX в. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов правовой интеграции горских обществ в административно-судебную систему Российской империи с учетом их этноконфессиональной специфики и правовых традиций. В работе акцентируется внимание на политико-правовых предпосылках реформирования судопроизводства на Северном Кавказе, включая институциональные преобразования, начавшиеся с образования Терской области и введения системы военно-народного управления. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении Нальчикского горского словесного суда не только как судебного органа, но и как важного механизма правовой адаптации, призванного совместить нормы адата, шариата и российского законодательства. В работе проанализированы нормативная база создания горских судов, особенности их подсудности, процессуальные полномочия, а также проблемы их функционирования, отмеченные в научной литературе. Методологическая основа статьи включает историко-правовой и системный подходы, а также элементы компаративного анализа. Делается вывод о том, что Нальчикский горский словесный суд стал переходной моделью правосудия, обеспечивающей правовую трансформацию региона без насильственного слома традиционного порядка. Полученные результаты позволяют по-новому осмыслить характер судебной реформы на Кавказе и ее последствия для местных сообществ.

Ключевые слова: *Горский словесный суд, судебная реформа 1864 г., Терская область, правовая интеграция, адат, Северный Кавказ.*

Для цитирования: *Жерештиев А.А. Учреждение Нальчикского Горского словесного суда и его место в судебной системе Терской области // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 57 (96). С. 19-29. DOI:*

Поступила в редколлегию: *24.07.2025 г.*

Во второй половине XIX – начале XX в. горские словесные суды, включая Нальчикский, заняли особое место в системе правосудия на Северном Кавказе. Эти учреждения представляли собой не только органы судебной власти, но и важный элемент социокультурной среды местных народов. Их специфическая правовая природа, сочетающая имперские нормы с традиционным правом, продолжает вызывать значительный интерес в научной среде, что находит отражение в работах А.Х. Абазоьва, А.Ж. Байчекуевой, Е.И. Кобахидзе, Д.Н. Прасолова и др. Однако для адекватного понимания сущности, функций и правового статуса этих учреждений необходимо предварительно рассмотреть историко-правовые предпосылки их возникновения, а

также ту систему судоустройства, которую они частично вытеснили или модифицировали.

До полного присоединения Северного Кавказа и начала проведения судебной реформы 1860-х гг. правовая система в регионе отличалась высокой степенью фрагментарности и зависела от этнолокальных норм, обычного права (адата) и религиозных предписаний. Регион представлял собой совокупность разрозненных территорий с собственными правовыми режимами, устойчивыми социальными иерархиями и внутренними этико-правовыми проблемами.

Так, например, в структуре горских обществ сохранялись рудиментарные формы зависимости, включая институты, близкие или фактически означающие рабство, с целью сбыта невольников в Османскую империю [1, 113]. Имущественное расслоение обострялось отсутствием формализованных механизмов правозащиты. Как подчеркивает П.А. Гаврилов, изучая социальную структуру Кабарды, именно элитарные группы контролировали ключевые ресурсы, включая землю: «князья и уздени и в особенности некоторые, более выдававшиеся из них, личности, мало-помалу присвоили себе право распоряжаться распределением земель в пользование народа и нередко, выбрав и захватив в свою пользу лучшие участки, остальную затем землю предоставляли аульному обществу распределять между своими членами» [2, 15]. Жизнь кабардинских князей была защищена адатом, а их убийство можно расценивать как тяжелейшее преступление [3, 240], которое фактически повлекло бы кровную месть.

При этом представители непривилегированных слоев общества были фактически лишены возможности прибегать к мести как форме восстановления справедливости. Эта норма восходит к эпохе патриархальных отношений и со временем лишь усилилась под воздействием процессов феодализации, закрепивших социальное неравенство [4, 187].

Сложившаяся ситуация объективно порождала у значительной части населения стремление к правовой опоре извне. Как отмечает Ю.Ю. Гранкин, ряд таких проблем приводил к естественному желанию «найти справедливость, например, у России» [5, 29]. В этой связи Е.И. Кобахидзе и А.А. Дзотцоева точно подмечают, что «проблемы судоустройства на Центральном Кавказе в XIX в. тесно связаны с практикой его политико-административного освоения» [6, 92]. В течение всего рассматриваемого периода становление судебной системы в регионе происходило постепенно, проходя через ряд этапов, каждый из которых отражал особенности административного устройства и отвечал на вызовы конкретных социально-политических условий, сопутствовавших процессу включения края в правовое пространство империи. Так, трансформации в системе государственного управления неизбежно инициировали структурные изменения в судебной сфере, определяя не только институциональные контуры вновь создаваемых судов, но и специфику их правовых и функциональных полномочий.

Как свидетельствуют источники и материалы историко-правового анализа, процесс включения Кабарды в административно-судебную систему Российской империи был инициирован в 1793 г. через создание родовых судов и расправ, находившихся под контролем Моздокского пограничного суда. Впоследствии, в начале XIX в., указанные судебные инстанции были заменены духовными судами (мехкеме), которые, несмотря на формальное обновление, сохраняли подотчетность Моздоку [7, 54].

Следующим этапом имперского закрепления в предгорной части Кабарды стало возведение в 1818 г. Нальчикской крепости, строительство которой было осущест-

влено по инициативе генерала А.П. Ермолова. Именно здесь в 1822 г. был учрежден Кабардинский временный суд, сосредоточивший в своих руках основные административно-судебные полномочия и ставший важным звеном в системе регионального управления [8]. Д.Н. Прасолов отмечает: «Для Кабарды политическая интеграция завершилась в 1822 г., когда был учрежден Кабардинский временный суд» [9, 46]. С созданием в 1838 г. военного поселения при крепости Нальчик окончательно оформился как устойчивый административный и военно-стратегический центр имперской власти на данном участке Северного Кавказа.

В то же время анализ системы судоустройства на Центральном Кавказе к середине XIX в. позволяет сделать вывод о глубокой необходимости ее реформирования. Во-первых, сама структура регионального правосудия носила фрагментарный и сословно-иерархический характер. Как отмечают Е.И. Кобахидзе и А.А. Дзотцоева, правовая система Кавказа до проведения реформ 1860–1870-х гг. представляла собой «многоуровневый иерархический» механизм, выстроенный по аналогии с российской судебной системой, но имеющий выраженную региональную специфику [6, 97]. Судебные органы действовали параллельно и дифференцировались в зависимости от сословной, этнической и административной принадлежности населения: горцы, казаки и городские обыватели обслуживались различными инстанциями. Такая правовая множественность способствовала фрагментации системы и нередко порождала конфликты юрисдикций.

Во-вторых, до середины XIX в. отсутствовала универсальная модель судоустройства, применимая ко всему населению, особенно в отношении горцев. Для представителей местных этнических групп функционировали преимущественно военные или так называемые «словесные» суды, решения которых базировались на обычном праве и не предполагали формализованной процедуры разбирательства. Горское население «долгое время не имело официальных судебных учреждений», исключение составлял лишь ранее упомянутый Кабардинский временный суд, учрежденный в 1822 г., и Владикавказский инородный суд, открытый в 1828 г. для разбора дел осетин и ингушей и просуществовавший менее 10 лет [6, 97].

В-третьих, ранее действовавшая система административного и судебного контроля к началу 1850-х гг. демонстрировала низкую эффективность. Судебная власть была тесно переплетена с административной: председательствующими в судах нередко выступали военные чиновники, обладавшие исполнительными полномочиями. Кроме того, институт апелляции был фактически недоступен для так называемых «внешних инородцев», которые, по сути, были лишены права на пересмотр вынесенных решений [6, 94–95]. Такая практика вступала в противоречие с декларируемыми принципами права, провозглашаемыми имперским законодательством.

В-четвертых, объективные политические условия, сформировавшиеся после завершения активной фазы Кавказской войны, обусловили необходимость административно-правовой интеграции региона. Наместник А.И. Барятинский, проводивший преобразования в 1857–1858 гг., прямо указывал, что «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе» он считает «устройство окончательного управления горскими племенами» [10, 1278]. Под этим понималась не только система исполнительной власти, но и формирование судебных органов, адаптированных к особенностям местного социума, но в рамках имперского права.

Наконец, важным промежуточным этапом на пути к унифицированной модели правосудия стало введение системы военно-народного управления. С 1857–1858 гг. в

округах создавались народные суды, в которых председателем назначался начальник округа, а в состав включались кадии и депутаты от горских обществ. Хотя данная структура обеспечивала первичную институционализацию правосудия, она оставалась частью военизированной модели управления, в которой судебные функции были тесно связаны с административным контролем, а процессуальная регламентация была весьма ограниченной.

Таким образом, к середине XIX в. назрела необходимость системного вмешательства со стороны имперских властей, направленного на правовую трансформацию региона и формализацию судебных механизмов. Именно в этом контексте необходимо рассматривать появление института горских словесных судов как переходной формы, сочетающей элементы имперской юстиции с традиционными правовыми моделями.

А.Х. Абазов пишет: «Конец 50-х гг. XIX в. является рубежной датой, разделяющей историю судебных преобразований на Центральном Кавказе и формирования многоуровневой судебной системы на два качественно отличных хронологических периода» [11, 108]. Далее исследователь приходит к выводам о том, что в процессе формирования судебной системы на Северном Кавказе целесообразно выделять не только отдельные этапы, но и внутренние подпериоды, определяемые прежде всего административными трансформациями, имевшими системообразующее значение. Одним из ключевых поворотных моментов в этом контексте стало упразднение приставской системы управления и переход к модели военно-народных округов, создаваемых с ориентацией на этническую принадлежность местного населения. В этом отношении формирование Терской области в 1860 г. и дальнейшая адаптация положений судебной реформы к условиям края представляются достаточно показательными.

Введение новой системы горских словесных судов на Северном Кавказе во второй половине XIX в. стало необходимым этапом в процессе трансформации правовой и административной структуры региона. Эти судебные учреждения были задуманы как компромиссная форма правосудия, сочетающая имперские правовые принципы с традиционными нормами адата и шариата, широко укорененными в общественном сознании горского населения. Их появление отражало попытку российской власти не только интегрировать кавказские окраины в единую судебную систему, но и учесть специфику местной социокультурной среды.

Особое значение в этом контексте приобретает деятельность Нальчикского горского словесного суда, который выполнял не только правовые, но и социальные функции, являясь одним из ключевых механизмов адаптации имперской юстиции к особенностям традиционного устройства кабардинского и балкарского обществ. Изучение истории его создания, институционального оформления и практики деятельности позволяет проследить характер правовых взаимодействий между центром и периферией, а также выявить пределы правовой аккультурации в условиях полиэтничности населения региона.

Как было ранее отмечено, введение горских словесных судов в 1871 г. на территории Северного Кавказа стало частью реализации общероссийской судебной реформы, начатой в 1864 г. При этом представляется необходимым коснуться непосредственно сути данной реформы, которая предусматривала создание двух взаимосвязанных систем — окружных судов с назначаемыми судьями и мировых судов с выборными мировыми судьями, действующих в пределах уездов. Основными принципами стали бессословность правосудия, гласность, состязательность и участие присяжных заседателей.

Однако при внедрении новых судебных уставов на Кавказе начиная с 1868 г. реформа приобрела ограниченный характер. Несмотря на формальное подчинение новых территориальных единиц, включая Терскую область, Тифлисской судебной палате и создание окружных судов (например, во Владикавказе), на практике внедрение судебной реформы в регионе сопровождалось значительными отклонениями от заявленных принципов. В частности, продолжала существовать прочная институциональная связь между судебной и административной властью: ключевые полномочия в области правосудия по-прежнему сосредотачивались в руках окружных начальников и наместника, фактически обладавшего исключительной полнотой управленческой и судебной власти на местах. Более того, для горских народов Кубанской и Терской областей были сохранены особые формы судопроизводства в виде словесных судов, что подчеркивает избирательный и компромиссный характер правовой интеграции региона в общероссийскую судебную систему.

Таким образом, на Кавказе судебная реформа выразилась преимущественно в институциональных изменениях, не затронув глубинных механизмов правоприменения и не устранив юридического дуализма между имперским и местным правом. В.А. Кокурхаев пишет: «При проведении судебной реформы на Северном Кавказе допускались значительные отклонения от судебных уставов 1864 года с ограничением или недопущением таких институтов, как выборная мировая юстиция» [12, 35].

Так, в условиях институционального перехода, предшествовавшего полномасштабному внедрению судебных уставов 1864 г. на территории Кавказа, для регионов с преимущественно горским населением была сформирована особая, промежуточная модель судопроизводства. В соответствии с Высочайшим указом от 30 декабря 1869 г. были утверждены «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» [13], сопровождавшиеся специальной инструкцией, регламентирующей процессуальные аспекты деятельности этих судов, а также порядок передачи дел между инстанциями. Согласно этим положениям, с 1 января 1871 г. были учреждены специализированные суды в указанных округах, в том числе в Нальчике, Владикавказе, Грозном, Хасав-Юрте и других административных центрах [14, 37]. Эти судебные инстанции задумывались в качестве инструментов разрешения гражданско-правовых и уголовных конфликтов внутри горского населения, функционируя на основе синтеза двух правовых систем — локальных норм адатного и религиозного происхождения, с одной стороны, и положений российского законодательства — с другой.

Параллельно с этим в рамках имперской судебной реформы были приняты судебные уставы, которые предусматривали создание новых структур: окружных судов, судебных палат и Сената в качестве высшей инстанции. Судебная система была упрощена, упразднены сословные суды, введен принцип разделения властей, учреждены выборные мировые суды [15, 40-41]. Однако в регионе с многообразными этноконфессиональными и правовыми традициями их внедрение потребовало создания переходных форм, к числу которых и относились горские словесные суды.

Для оценки роли Нальчикского словесного суда представляется необходимым рассмотреть его место в судебной системе Терской области. Высшую судебную инстанцию в Терской области представлял Владикавказский окружной суд, юрисдикция которого охватывала весь регион. В суде рассматривались уголовные и гражданские дела, отнесенные к компетенции окружных судов согласно судебным уставам от 20 ноября 1864 г.

Во второй половине XIX — начале XX в. значительное место в судебной системе Терской области занимали мировые судьи и съезды мировых судей. В рамках реформ 1860–1870-х гг. область была разделена на два мировых округа — Владикавказский и Кизлярский, каждый из которых включал по четыре участка [14, 20об.]. Мировые суды рассматривали дела, отнесенные к их компетенции, в отношении «негорского» населения, а также смешанные дела, где одной из сторон выступал горец, а другой – представитель «негорского» населения, и иные гражданские и уголовные дела.

Функции низшего звена судебной системы в Терской области выполняли сельские и участковые суды, рассматривавшие малозначительные уголовные правонарушения, совершенные как местными жителями, так и в их отношении. Помимо этого, в компетенцию этих судов входили гражданские дела с исковой суммой, не превышающей 30 рублей. Схожими по предмету ведения являлись станичные или слободские суды. При разрешении таких споров суды, как правило, основывались на нормах местного обычного права. Также существовала возможность медиации и обращения в третейский суд по этим категориям дел. В отдельных случаях решения сельских, участковых и третейских судов могли быть обжалованы в Горском словесном суде, который выступал в роли апелляционной инстанции. Более подробно тема Нальчикского округа в судебной системе Терской области исследована А.Х. Абазовым [16].

Горские словесные суды были учреждены как временный правовой механизм, призванный функционировать до момента полного внедрения на Кавказе Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. Их существование напрямую увязывалось с уровнем так называемой «гражданственности» в регионе, под которой подразумевалась степень адаптации местного населения к имперским административно-правовым нормам. Ключевая функция этих судов заключалась в постепенной унификации судопроизводства на территории, населенной преимущественно горцами, путем поэтапного приведения традиционных правовых практик — в том числе основанных на адате и религиозных нормах — в соответствие с имперским законодательством.

Организационно каждый словесный суд учреждался на уровне округа или административного отдела и выполнял функции низовой судебно-административной инстанции. Обжалование решений словесных судов находилось в ведении начальника Терской области, тогда как окончательное рассмотрение наиболее значимых дел осуществлялось наместником Кавказа через штаб военного округа, что подчеркивает сохранявшийся в регионе централизованный контроль над отправлением правосудия.

По положению о горском словесном суде председателем назначался представитель окружной администрации, а рядовые члены избирались. Подсудность определялась этнической принадлежностью сторон — дела с участием «негорцев» передавались в общие суды. Суды рассматривали гражданские споры на суммы до 500 рублей, наследственные и долговые иски до 2000 рублей, а также некоторые уголовные преступления, включая неумышленные телесные повреждения, самооборону, кражи со взломом (до 300 рублей) и похищения женщин. Суд мог применять как административные меры (тюремное заключение, ссылка), так и традиционные наказания (штраф, изгнание), однако их перечень различался по областям. Приговор считался окончательным, если сумма взыскания не превышала 30 рублей, срок ареста — одного месяца, а штраф по адату — 100 рублей [16, 27-30].

В современной научной литературе результаты судебной реформы на Северном Кавказе, равно как и деятельность горских словесных судов, нередко оцениваются в преимущественно негативном ключе. В частности, Е.И. Кобахидзе, анализируя итоги

реформы, подчеркивает, что хотя она и обеспечила частичную унификацию процедур судопроизводства, ее реализация привела к формированию чрезмерно раздробленной и организационно громоздкой системы. В региональной судебной структуре сосуществовала целая масса описанных выше судебных инстанций, различавшихся по компетенциям, но не имевших четкой правовой регламентации, что порождало неопределенность в их практической деятельности. Подобная многослойность и несогласованность юрисдикций, по справедливому замечанию Кобахидзе, фактически нивелировала основную цель реформы — формирование единого, целостного и организованного механизма отправления правосудия на периферии империи [17, 75]. Достаточно критический взгляд на характер и последствия функционирования горских словесных судов представлен в диссертационном исследовании А.В. Сердюк. Автор справедливо подчеркивает, что такая модель адаптации судебной реформы применялась впервые в столь широких масштабах, что, безусловно, обостряло как организационные, так и содержательные проблемы. В числе основных недостатков, сопровождавших деятельность словесных судов, она указывает на чрезмерное влияние окружных начальников, отсутствие у председательствующих лиц профильного юридического образования, а также практические трудности, связанные с обеспечением адекватного перевода и толкования правовых норм в многоязычной среде [18, 28, 29].

Таким образом, история формирования и функционирования Нальчикского горского словесного суда в системе судоустройства Терской области представляется непосредственно обусловленной как историко-политическим контекстом включения данного региона в состав Российской империи, так и особенностями правовой культуры, сложившейся здесь до начала правовых преобразований. Эти факторы, в свою очередь, оказали определяющее влияние на специфику реализации судебной реформы 1864 г. в горских округах. Безусловно, зафиксированные в научной литературе проблемы, в частности, громоздкость судебной системы Терской области, усложненное распределение компетенций между различными судебными инстанциями, а также разнообразие применяемых правовых норм требуют признания и критического анализа. Тем не менее, выбранная модель словесного судопроизводства в значительной степени соответствовала правовым представлениям и социокультурным ожиданиям кабардинцев и балкарцев, в отличие от возможного принудительного внедрения имперской судебной модели без учета местной специфики. Следовательно, такой формат реформирования не следует воспринимать исключительно в негативном ключе. Скорее, он должен рассматриваться как компромиссное, переходное решение, направленное на адаптацию правовой системы к новым условиям, с перспективой последующей трансформации на основе накопленного правоприменительного опыта.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на преобладающую в научной литературе критическую оценку как самой судебной реформы на Кавказе, так и деятельности горских словесных судов, подобный взгляд часто лишен необходимого исторического контекста. Исследователи нередко упускают из виду сложную правовую и социальную реальность XIX в., а также те формы разрешения конфликтов и юридических практик, которые предшествовали введению новых судебных институтов. В этом свете Нальчикский горский словесный суд выступает не как инструмент правового насилия, а как форма постепенной интеграции кабардинцев и балкарцев в правовую систему Российской империи, и, как отмечает Т.Н. Мальцев, значение судебной реформы состояло «в формировании среди горских народов Кубанской Терской об-

ластей принципиально иного по сравнению с патриархально-традиционным, нового правосознания европейского типа» [19, 106]. Судопроизводство в Нальчикском горском словесном суде сочетало в себе имперские правовые механизмы с сохранением традиционных норм — обычного права и религиозных предписаний, создавая тем самым гибкую, адаптированную систему правосудия, способную функционировать на присоединенных территориях без применения репрессивных методов, но при этом обеспечивать базовые функции правосудия. Данное устройство судебной системы действительно верно было бы воспринимать как временное и требующее дальнейшего реформирования сообразно большей интеграции данной территории в состав империи.

1. *Кудаев С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 304 с.

2. *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. Вып. II. Ч. VII. С. 1-78.

3. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. Т. I. 293 с.

4. *Кушева Е.Н.* О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 179-189.

5. *Гранкин Ю.Ю.* Социальное устройство и модели управления в системе горских обществ Северного Кавказа в первой половине XIX века // Гуманитарные и юридичев ские исследования. 2020. № 3. С. 28-35.

6. *Кобахидзе Е.И., Дзотцоева А.А.* Судоустройство на Центральном Кавказе в конце 1850-х гг. в контексте российской системы правосудия // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 92-99.

7. *Прасолов Д.Н.* Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3(52). С. 52-61.

8. *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. 2015. Т. 9 (41). С. 150–170.

9. *Прасолов Д.Н.* Интеграция кабардинского общества в состав Российской империи: этнокультурные аспекты // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4(42). С. 46-52.

10. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1904. Т. XII (1856-1862). 1552 с.

11. *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. 264 с.

12. *Кокурхаев В.А.* Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX века) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1977. С. 35–40.

13. Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891.

14. Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1477.

15. *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: преемственность и обновление // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: ИГиП РАН, 1996. С. 40-48.

16. *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области: последняя треть XIX – начало XX в. Нальчик: КБИГИ, 2014. 108 с.

17. *Кобахидзе Е.И.* Специфика и итоги реформирования судебной системы на Центральном Кавказе в 60-70-х гг. XIX в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2010. № 2. С. 70-76.

18. *Сердюк А.В.* Судебная реформа 1864 г. особенности реализации на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. … канд. юр. наук. М., 2015. 35 с.

19. *Мальцев В.Н.* Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в // Вестник АГУ. Серия 1. 2008. № 8.С. 96-108.

Zhereshtiev, Anzor A. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); Anzorzhereshtiev@mail.ru

FORMATION OF THE NALCHIK MOUNTAIN VERBAL COURT AND ITS PLACE IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE TEREK REGION.

Keywords: *Gorsky Verbal court, judicial reform of 1864, Terek Region, legal integration, Adat, North Caucasus.*

The article is devoted to the study of the history of the Nalchik Mountain Verbal Court and the specifics of its functioning in the context of the judicial system of the Terek Region in the second half of the XIX – early XX centuries. The relevance of the topic is determined by the need for a comprehensive analysis of the mechanisms of legal integration of mountain societies into the administrative and judicial system of the Russian Empire, taking into account their ethno-confessional specifics and legal traditions. The paper focuses on the political and legal prerequisites for the reform of the judicial system in the North Caucasus, including the institutional transformations that began with the formation of the Terek Region and the introduction of a system of military public administration. The scientific novelty of the study lies in the consideration of the Nalchik Verbal Court not only as a judicial body, but also as an important mechanism of legal adaptation designed to combine the norms of Adat, Sharia and Russian legislation. The paper analyzes the regulatory framework for the creation of mountain courts, the specifics of their jurisdiction, procedural powers, as well as the problems of their functioning, noted in the scientific literature. The methodological basis of the article includes historical, legal and systematic approaches, as well as elements of comparative analysis. It is concluded that the Nalchik Mountain Verbal Court has become a transitional model of justice, ensuring the legal transformation of the region without forcibly breaking the traditional order. The results obtained allow for a new understanding of the nature of judicial reform in the Caucasus and its implications for local communities.

For citation: *Zhereshtiev, A.A. Formation of the Nalchik Mountain Verbal Court and its place in the judicial system of the Terek region // Izvestiya SOIGSI. 2025. Iss. 57 (96). Pp. 19-29. (in Russian). DOI:*

References

1. Kudaev, S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX v.: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva* [Adyghe (Circassians) of the North-West Caucasus in the 19th century: processes of transformation and differentiation of the Adyghe society]. Nalchik, El'-Fa, 2007. 304 p.

2. Gavrilov, P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [The organization of land life of the mountain tribes of the North Caucasus]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh* gortsakh [Collection of information on the Caucasian highlanders]. 1869, iss. II, part VII, pp. 1-78.

3. Kovalevsky, M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and Custom in the Caucasus]. Moscow, Tip. A.I. Mamontova i Ko, 1890, vol. I. 293 p.

4. Kusheva, E.N. *O nekotorykh osobennostyakh genezisa feodalizma u narodov Severnogo Kavkaza* [On Some features of the genesis of feudalism among the peoples of the North Caucasus]. *Problemy vozniknoveniya feodalizma u narodov SSSR* [Problems of the Emergence of Feudalism among the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 179-189.

5. Grankin, Yu.Yu. *Sotsial'noe ustroistvo i modeli upravleniya v sisteme gorskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v pervoi polovine XIX veka* [Social structure and models of governance in the system of mountain societies of the North Caucasus in the first half of the 19th century]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and law research]. 2020, no. 3, pp. 28-35.

6. Kobakhidze, E.I., Dzottsoeva, A.A. *Sudoustroistvo na Tsentral'nom Kavkaze v kontse 1850-kh gg. v kontekste rossiiskoi sistemy pravosudiya* [Judicature in the Central Caucasus in the end of the 1850s in the context of Russian justice system]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and law research]. 2018, no. 2, pp. 92-99.

7. Prasolov, D.N. *Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v.* [Nalchik and the Kabarda society in the 19th – early 20th centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. 2016, no. 3 (52), pp. 52-61.

8. Abazov, A.Kh. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v.* [Kabardian Temporary Court in the context of the integration of Kabarda into the Russian Empire in the second quarter of the 19th century]. *Kavkazskii sbornik* [Caucasus Antholigy]. 2015, vol. 9 (41), pp.150–170.

9. Prasolov, D.N. *Integratsiya kabardinskogo obshchestva v sostav Rossiiskoi imperii: etnokul'turnye aspekty* [Integration of Kabardian society into the Russian Empire: ethnocultural aspects]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2011, no. 4 (42), pp. 46-52.

10. *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, Tip. gl. upr. Namestnika Kavk., 1904, vol. XII (1856-1862). 1552 p.

11. Abazov, A.Kh. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [Peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries]. Nalchik, Pechatnyi dvor, 2016. 264 p.

12. Kokurkhaev, V.A. *Pravovaya sistema i sudoproizvodstvo chechentsev i ingushei (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Legal system and legal proceedings of the Chechens and Ingush (second half of the 19th – early 20th century)]. *Voprosy istorii Checheno*-Ingushetii [Issues of the history of Checheno-Ingushetia]. Groznyi, Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1977, pp. 35–40.

13. *Vremennye pravila dlya gorskikh slovesnykh sudov Kubanskoi i Terskoi oblastei* [Temporary rules for the mountain verbal courts of the Kuban and Terek regions]. *Kubanskaya spravochnaya knizhka na 1891 g.* [Kuban reference book for 1891] Ekaterinodar, 1891.

14. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-A* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 12. Inventory 3. Case 1477.

15. Efremova, N.N. *Sudebnye reformy v Rossii: preemstvennost' i obnovlenie* [Judicial reforms in Russia: continuity and renewal]. *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie* [Problems of the value approach to law: traditions and renewal]. Moscow, Institute of State and Law of RAS, 1996, pp. 40-48.

16. Abazov, A.Kh. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti: poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.* [Nalchik District in the judicial system of the Terek Region: the last third of the 19th – early 20th century]. Nalchik, KBIGI, 2014. 108 p.

17. Kobakhidze, E.I. *Spetsifika i itogi reformirovaniya sudebnoi sistemy na Tsentral'nom Kavkaze v 60-70-kh gg. XIX v.* [Specificity and results of reforming of judicial system in the Central Caucasus in the 60-70s of the XIXth century]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov]. 2010, no. 2, pp. 70-76.

18. Serdyuk, A.V. *Sudebnaya reforma 1864 g. osobennosti realizatsii na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Judicial reform of 1864: features of implementation in the North Caucasus (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Law). Moscow, 2015. 35 p.

19. Maltsev, V.N. *Politiko-yuridicheskii aspekt reformirovaniya gorskikh sudov v Kubanskoi i Terskoi oblastyakh v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. XIX v.* [Political and legal aspect of mountain courts reforming in the Kuban and Terek regions in the late 60s – early 70s of the XIX century]. *Vestnik AGU. Seriya 1* [Bulletin of ASU. Series 1]. 2008, no. 8, pp. 96-108.